

Алексей Будищев

Бред озера

Алексей Николаевич Будищев

Бред озера

Аннотация

«Он сказал:

– Вы хотите слушать что-нибудь необычайное, почти сверхъестественное? Да? Если так, то я могу рассказать вам случай, который произошел со мной несколько лет тому назад.

Он замолчал, поджидая с нашей стороны ответа.

Мы все изъявили желание и оглядели его бледное лицо с недоумением. От него мы не ждали никаких рассказов, так как знали его за человека в высшей степени скрытного и молчаливого. И это тем сильнее подзадоривало наше любопытство. Мы стали просить его скорее приступить к рассказу...»

Алексей Будищев

Бред озера

Он сказал:

– Вы хотите слушать что-нибудь необычайное, почти сверхъестественное? Да? Если так, то я могу рассказать вам случай, который произошел со мной несколько лет тому назад.

Он замолчал, поджидая с нашей стороны ответа.

Мы все изъявили желание и оглядели его бледное лицо с недоумением. От него мы не ждали никаких рассказов, так как знали его за человека в высшей степени скрытного и молчаливого. И это тем сильнее подзадоривало наше любопытство. Мы стали просить его скорее приступить к рассказу.

Он устало приподнялся с кресла, пересел на диван, подалеже от света лампы, и продолжал:

– Я назову свой рассказ «бредом озера», так как я и до сих пор наверное не знаю, кто из нас бредил в ту ночь: я, Карпей, или озеро?

– Карпей – это мой слуга, – добавил он после короткой паузы. И он замолчал снова, обхватив колено руками и не глядя на нас.

Наше любопытство возросло еще более. Дамы проворными руками стали свертывать свои рукоделия, сверкая камнями.

ми колец.

И, устало поглядывая на эти сверкавшие руки, он лениво заговорил:

– Однажды вот такие же точно руки перевернули весь мой разум и всю мою логику вверх ногами. Белое стало казаться мне черным, а черное – белым. Раньше – сделать приятелю пакость я считал бы за наигнуснейшую подлость, а тогда, после того, как меня перевернули вверх тормашками эти руки, я склонен был думать совсем наоборот. Дело в том, что я полюбил жену моего друга и желал ее, во что бы то ни стало. Всегда и всюду я видел только эту женщину, а мой друг скрылся от меня в какой-то темный угол, откуда я даже его и не видел. Обмануть его, – Боже мой! я считал это за совершеннейший пустяк. Она одна, эта женщина, стояла передо мной как солнце, а он, ее муж, превратился для меня в какую-то козявку, которую даже и не разглядишь невооруженным глазом. Я не знаю, со всеми ли это бывает так, но мне, по крайней мере, мне, когда я любил, всегда казалось, что через эту женщину я узнаю что-то самое существенное, какую-то удивительную тайну, которая откроет мне глаза на самую суть вещей. Мог ли я задумываться после этого над какими-нибудь пустяками? И я решил не задумываться. Овчинка мне казалась стоящей выделки.

Он снова замолчал, устало поглядывая на огонь лампы.

– Эту женщину, – наконец, продолжал он, – звали Ниной Сергеевной. С ее мужем я был приятелем долгие го-

ды, но судьба как-то разъединила нас на некоторое время; женился мой приятель как раз в этот промежуток времени, так что, когда мы снова встретились, его женитьба явилась для меня новостью. А встретились мы в Петербурге. В это время я начал службу в министерстве уделов, где служил и мой приятель. Мы снова стали видеться почти ежедневно, и наши дружеские отношения возобновились. Однако, вскоре они прекратились; впрочем, не прекратились, нет; мой друг был расположен ко мне по-прежнему, но я перестал интересоваться им, я позабыл даже о его существовании; я всецело был поглощен Ниной Сергеевной. Конечно, я бывал у них почти каждый вечер, но, когда я заставал моего друга дома, я недовольно хмурился. И мне всегда казалось, что мой недовольный вид радовал Нину Сергеевну. Она как будто догадывалась, в чем дело, и эта догадка наполняла ее всю восторгом. Украдкой она бросала на меня порой такие взгляды, что у меня голова шла кругом. И тут же, после одобрительного взгляда, она принималась иногда хохотать самым беззаботным образом. Я не скажу, чтобы этот смех доставлял мне удовольствие. Чаще в эти минуты я готов был поколотить ее, если бы это было принято. Итак я проводил время, то млея под одобрительными взглядами, то беснуясь от беспощадного смеха. Как-то вечером я был у них. Все трое мы сидели на диване и вели какой-то спор, который нам должен был разрешить энциклопедический словарь. Как свой человек, я пошел за ним в темный кабинет мое-

го приятеля. Перед этажеркой я стал на колени, разыскивая во мраке то, что мне было нужно. И в ту же минуту ко мне вошла Нина Сергеевна; она опустилась рядом со мной на колени, и прежде чем я успел опомниться, она обхватила мою шею руками и припала к моим губам коротким поцелуем. Я услышал ее быстрый вопрос: «любишь?» и шелест удаляющихся юбок. Она исчезла так же внезапно, как и явилась, а я остался перед этажеркой в самой дурацкой позе. Когда я вновь вошел в гостиную, в моих руках вместо энциклопедической словаря оказался какой-то скотолечебник, и над этим более всех смеялась сама Нина Сергеевна. А меня ее короткий поцелуй окончательно свел с ума. Он походил на укусы: короток, но памятен. После этого поцелуя между мной и Ниной Сергеевной установились отношения довольно-таки странные. Мы виделись ежедневно, и наша близость простиралась до того, что она по вечерам не раз заходила ко мне на холостую квартиру; мой слуга Карпей, дурковатый деревенский парень 20-ти лет, с флегматичным одутловатым лицом скопца, уже безошибочно узнавал ее звонки. Однако мой курс стоял все еще низко, очень низко. За это время я еще несколько раз был награжден укусом осы. И это все, что я успел завоевать у этой женщины; чем-нибудь большим я не имел права похвастаться. Конечно, такое положение дел порою погружало меня в самое мрачное отчаяние. И вот, однажды вечером Нина Сергеевна пришла ко мне вся расстроенная, чуть ли не в слезах, со следами бессонной ночи

на усталом и бледном лице. Я немедленно усадил ее в кресло и стал допытываться о причине ее горя. Сначала она как будто колебалась, а затем заговорила. Она начала откуда-то издалека, а затем с умоляющими жестами и сияющими глазами стала просить меня, чтобы я устроил ее мужу перевод в Симбирск; она утверждала, что с моими связями я могу устроить этот перевод в 2 недели, без всякого труда, а между тем это ее спасет чуть ли не от смерти; муж не желает этого перевода, но, если перевод будет выгоден, муж не станет протестовать. А ей этот перевод прямо-таки необходим. В Петербурге ей угрожает опасность. Ей стыдно сознаться, но однажды она дала одному господину какое-то слово, конечно, ради шалости, по легкомыслию, и вот теперь этот человек преследует ее всюду и грозит ей каким-то скандалом. Собственно говоря, она плела ужасную околесицу, но я верил ей безусловно, так как каждое слово, выходившее из ее уст, казалось мне каким-то божественным глаголом. И я сидел против нее бледный и расстроенный ее горем. А она, по-прежнему умоляюще сияя глазами, шептала, что, конечно, я не забуду ее и приеду к ней в Симбирск; она будет мне писать, часто писать, и когда ее муж отправится в обычную командировку, она, мы... Вы понимаете, в какое место она била меня? Немедля, я дал ей клятву признать для себя законом каждый ее жест. Когда она уходила от меня, из ее муфты выпало письмо со штемпелем «Симбирск»; ее щеки внезапно вспыхнули, когда она нагнулась поднять его, а я тот-

час же отправился к дядюшке, и через десять дней ее муж был переведен в Симбирск с весьма солидным повышением. А еще через неделю я получил от нее письмо. Мои руки дрожали, когда я рвал конверт, но едва лишь я прочитал первые строки, как на меня пахнуло полярной зимой; в этом письме, кроме пустой болтовни, не было решительно ничего. Затем я получил еще одно такое же письмо, и больше ни звука, ни намека о прежнем, о том поцелуе у этажерки. Я поджидал третьего письма, более теплого и искреннего, и не дождался никакого. Тогда я послал ей всего две строки: «Перевожусь в Олонецкую губернию, к медведям, лесничим», и вскоре после этого письма я уже сидел с моим дурковатым Карпем в Олонецких дебрях. Петербург стал для меня невыносим. Ведь я же прекрасно понимал, какую роль я только что сыграл там. Ведь ей был нужен этот перевод затем, чтобы быть поближе к нему, к своему возлюбленному. И я любезно устроил ей это. Зачем же я ей теперь? Что ей во мне? Я не имел права сердиться на нее; я это сознавал прекрасно. Ведь я же считал за козьявку ее мужа, так почему же она не могла принять за козьявку меня? И она воспользовалась мной как козьявкой. Вот и все. Тут сердиться было не на что, да я и не сердился, мне только было очень тяжело, почему я и уехал к медведям и стал караулить никому ненужный лес. Впрочем, своим местожительством я был от души доволен. Петербургом тут и не пахло, а это все, что мне было нужно. Мне хотелось переболеть в одиночку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.